

Поздней осенью

Староверов Сан Саныч, отставной преподаватель педучилища и закоренелый холостяк, сохранил себя. За семьдесят, но не огруз фигурой, не скрючился спиной, был по-прежнему легок на ногу, морщинки лишь мелкой сеточкой собирались возле его глаз. Всегда подтянутый, в строгом костюме, застегнутом на все пуговицы, при черной узкой селедке галстука и в белой шляпе он неторопливо вышагивал по улочке родного городка. Встретив старого знакомого, Староверов окидывал его бесстрастным взглядом холодных голубых глаз и вежливо раскланивался, приподнимая шляпу. Знакомцы, особенно из тех, которым доводилось в детстве играть с ним в лапту или в прятки, заискивающе улыбаясь, трясли ему руку, но прямую его спину провожали, глядя сурово, исподлобья:

- Ишь, от легкой-то жизни какой, не угорбатился! Все для себя да для себя! Не мы дураки...

Прежде, пока была жива мать, Староверов приезжал из райцентра в Городок часто. Но потом в осиротевший дом за всю долгую зиму он наведывался раза два-три. Взяв напрокат у соседей лопату, расчищал торопливо, без роздыха, снежные сугробы от дороги к калитке и бывал таков.

Летом в доме обосновывалась сестра со своими внуками; Староверова, без сожалений покинувшего холодный сырой карцер кооперативной квартиры с неоклеенными стенами и почерневшим потолком, встречали шум, ребячья беготня, смех. Сан Саныч день-деньской мог раскачиваться в гамаке в огороде, искоса наблюдая за возней ребятишек в куче песка, или бродить по лесу, предвкушая сытный ужин и разговоры с сестрой, вечно занятой рукодельем, - так, о пустяках. Растянувшись на диване, он блаженствовал в это время как никогда...

Все нынешнее лето, до поздней осени, он провел в тревожном ожидании. От сестры из Киева ни слуху, ни духу, хотя и отправил туда ей не одно письмо. Окончательно измучившись, когда в квартире, осточертевшей за долгие месяцы одиночества, стало впору взвыть волком, он помчался в Городок.

Родительский дом стоял пуст. Сминая засохшее будилье заполонившего двор репья, Сан Саныч пробился к крыльцу и, переступив порог, не скоро решился пройти в горницу, недоверчиво, с опаскою, втягивая ноздрями затхлый холодный воздух. Потом еще долго бродил по дому, заглядывая во все уголки и чутко прислушиваясь к каждому шороху и скрипу.

Нежданному гостю - Вальке Сатюкову - он обрадовался. Только не один был поддатенький журналист, гостивший у родителей, а с попутчицей. Сан Саныч поначалу подумал, что она старушка. Уж больно согбенная жалкая фигурка, замотанная в платок, жалась у дверей. Но на свету пришлая оказалась женщиной лет тридцати. Стянув платок, она высвободила свалывшиеся космы грязных волос неопределенного цвета; на лице ее с дряблой сероватой кожей угрюмо синели «подглазники». Женщина села на подсунутый Валькой стул, осоловело уставилась куда-то в угол.

- Сан Саныч! Не будет у тебя по маленькой! - замасливая глазки, заканючил Валька.

Еще в райцентре, едва начав работать в редакции местной газеты, Сатюков, молодой

парень, зачастил к земляку, прихватывая неизменно с собою с виду вполне интеллигентных личностей. Р азгружали портфель с дешевым винцом, и через час становились совершеннейшими скотами, принимались трясти друг друга за грудки, проклинать все на свете. Кое-кто пытался прикорнуть на столе, но столкнутый на пол разгоряченными собутыльниками, заползал под стол в безопасное место и ронял обильную слезу обиды. Староверову, просидевшему весь вечер за одной рюмочкой, было интересно и жутко наблюдать за перевоплощением людей в пьяных скотов, ведь перед началом попойки Валька всегда представлял незваных гостей: это - журналисты, это - инженеры, это - художники или непризнанные поэты. Скоро дошло до милиционеров и водолазов, целая коллекция бы составила.

Компании вламывались к Староверову сугубо мужские, и затесавшаяся напару с Валькой бабенка поставила Сан Саныча в тупик. Чем ее угостить? Хорошо, что привез с собою бутылку сухого марочного вина, думалось при встрече с сестрой ее откупорить. Дама, закинув ногу на ногу, пыхала папирсой. Выглотав стакан сухого как воду, она поморщилась:

- Покрепче бы чего этого «свекольника»...

В неловкой тишине Валька попытался рассмотреть что-то в темноте за окном, дама с тупым выражением на лице продолжала пускать клубы дыма, удушая Сан Саныча.

Он, пригубив из своей рюмочки, чтобы развязать разговор, ляпнул первое пришедшее на ум:

- Вас, вероятно, с Валентином связывает дружба...

Язык у Сан Саныча одеревенел, осталось беспомощно и извиняюще развести руками, изобразив на лице глуповатую улыбку.

Валькина спутница громко и вульгарно расхохоталась.

- Это с ним-то?! Хотели счас в сараюхе прилечь, да холодно, говорит.

Валька покраснел и торопливо засобирался, будто вспомнив о неотложном деле. Сан Саныч, испуганный, побежал вслед за ним на улицу.

- Сан Саныч! Пусть она у вас посидит... пока. Ей некуда идти. А я подойду попозже, - Валька скрылся в темноте.

Обескураженный, Староверов растерянно побродил возле дома , вернувшись в горницу, остолбенел. Незваная гостья преспокойно, свернувшись калачиком, спала на его кровати. Юбка на бабенке, заляпанная засохшими ошметками грязи, задралась, открыв рваные чулки на ногах.

Сан Саныч, смущенно отводя глаза, хотел выключить свет, но передумал. Он ушел на кухню, со слабой надеждой стал дожидаться Вальку и заснул за столом...

Очнулся он от чьего-то легкого похлопывания по плечу и спросонок воззрился удивленно на даму. Та, сутулая, невысокая ростиком, стояла рядом, одной рукою ерошила спутанную кочку волос на голове, а дрожащими пальцами другой норовила сунуть окурок в черные рас тресканные губы.

- Послушай, мужик! - прохрипела она судорожным, будто перехваченным удавкой, горлом. - Опохмелиться не найдешь?

И сорвалась, зашлась в жутком чахоточной кашле: казалось, все ее нутро вывернется наружу.

Сан Саныч разыскал в шкафу прошлогодний «остатчик» водки, поспешно наполнил

стакан. Дама, высосав подношение, морщилась, ужималась, но постепенно на пепельно-серых щеках ее появился робкий румянец, а глаза, понуро-тоскливые, оживясь, заблестели.

- Да ты фартовый мужик! С меня причитается! Жди в гости, наведаюсь вечерком!

Она убежала так шустро, что Сан Саныч не успел сообразить: то ли соглашаться, то ли отказываться наотрез...

Под вечер он решил убрести из дома в лес и на берегу речушки возле костерка скоротать ночь. Собираясь, Староверов в чулане принялся ворошить потертые излохмаченные телогрейки, но ничего путного взять с собою в ночное не подворачивалось. Вообще-то, несмело подумал он, можно и остаться. Запереться на все запоры, не включать свет, сидеть тихо, как мышь. Удавалось же такое в райцентре, в квартире. Под пинками пришельцев дверь ходила ходуном, от непрерывной трели звонка, казалось, что голова вот-вот расколется, но ведь терпел, выдерживал.

Стемнело. Едва послышалось слабое царапанье за дверью, Сан Саныч подскочил со стула и помчался открывать, на ходу оправдываясь - все-таки женщина, неприлично не принять!

Вчерашняя гостья, обдав хозяина волной перегара, уверенно прошла в горницу, примостилась за столом. Тяжко вздохнув, с пьяной укоризной взглянула на Сан Саныча, тот засуетился, принес оденки водки в бутылке, сохранившуюся банку огурцов: чем богат тем и рад.

Дама выпила и, хрумкая прокисший огурец, сидела молча, раскачиваясь на стуле. Староверов надумал еще предложить ей чайку и пошел на кухню ставить чайник. Вернувшись, он опять застал гостью дрыхнувшей на его кровати. На этот раз спать сидя за столом не хотелось, Сан Саныч погасил свет и лег на лавку на кухне. Подложив ладонь под щеку, он пролежал, силясь уснуть, неведомо сколько времени. Заслышав шорох, он вздрогнул, нашарив на стене выключатель, зажег свет и обалдело уставился на гостью.

Она, совершенно нагая, стояла в дверном проеме, жмурясь от света. Сан Саныч, скользнув взглядом по отвисшим тряпично кулечкам ее дряблых грудей, долго не мог отвести глаз от красноватого шрама на животе, перечеркивающего почти пополам ее худое тело с выпирающими костями, обтянутое иссиня-бледной кожей.

Дама, перехватив взгляд, провела обкуренным пальчиком по гладкой поверхности шрама, криво усмехнулась:

- Это-то муженек дорогой меня перышком пополосовал! Чтоб ни дна ему, ни покрышки! Четыре дыры, еле заштопали! Теперь вот Манькой Резаной и зовут... Ну, чего?! Сам разденешься или помочь?

Она, потянувшись, шагнула к Сан Санычу, но он с утробным испуганным мычанием одним невероятным скачком вылетел из кухни. В спину ему, словно каленый гвоздь, вонзился истерически-дикий смех.

Староверов прямо с крыльца, будто в омут, нырнул в холодный предутренний воздух: «О, Господи! Что творится-то, а?!», и, не разбирая дороги, по темной пустой улочке помчался прочь от дома, куда глаза глядят.

«О, женщины!..»

Когда-то давно, в молодые годы, был он со своими студентками на уборочной в совхозе.

С самой глазастой и красивой пришлось укрываться от дождя в шалаше. Она, подрагивая, робко прижалась к Староверову и прошептала: «Возьмите меня замуж!»». Ожженный несмелым поцелуем, Сан Саныч отпихнул девчонку, заговорил резко, нравоучительно. Пуще всего он боялся, как бы не выгнали его из училища за связь с подопечной. А может, и зря, что скрывать, потом всю жизнь сожалел...

И вот так все время - чуть что! - трясся ровно заяц под кустом. Молчал, как партизан на допросе, на педсоветах в училище, где вел «труд» - невелик кулик, ни разу в застолье не выпивал больше рюмочки вина, дабы не сболтнуть лишнего, а последние годы перед пенсией был готов сплясать «казачка» под окнами директорского кабинета, если б приказали...

Чаял - уж теперь, в «отставке», поотпустит эта страшная напасть, загнавшая его в тесный, тщательно берегаемый от потрясений мирок, ан нет... И когда же она заползла в душу, укоренилась намертво?

Может, в тот год, когда как «врага народа» арестовали отца? Отец, колхозный плотник, привернул в горсовет за какой-то справкой, а поскольку шел с работы, за пояс у него был заткнут топор. Председатель - жук еще тот! - бочком, бочком из кабинета и - в крик! Убивают! Набежал народ, скрутили растерянного мужика. Потом вроде и никто не верил, что замыслил Староверов-старший смертоубийство представителя власти, но поди докажи, кто рискнет! Закатали ему десять лет без права переписки...

Санко закончил школу и куда бы ни сунулся - везде получал от ворот поворот. И вдруг к отчаявшемуся парню прямо на дом прибежал нарочный от председателя...

Тот поджидал Санка, отвернувшись к окну. Парень тихонько прикрыл за собой дверь и несмело поднял глаза на низкорослую, перехваченную в талии широким кожаным ремнем фигуру. Председатель обернулся:

- Проходи, садись! Понял, паря, что ноне все двери для тебя затворены? А ты, баят, умный, головастый! Не в батяню своего... Да, ладно, я зла не держу. Знаю, как тебе подсобить...

Председатель разложил на столе перед робко присевшим на краешек стула Санком чистый лист бумаги, сам обмакнул перо в чернила и протянул ручку.

- А чего писать? - пролепетал, принимая ее дрожащими пальцами, Санко.

- Не трусись ты, не забижу! - хохотнул, раздвигая губы в довольной усмешке, председатель и, поскрипывая хромовыми сапожками, запохаживал вокруг стола. - А пиши... Я, мол, такой-сякой, решительно и бесповоротно порываю со своим отцом. Так как он есть классовый враг и чуждый Советской власти элемент. Поступаю сознательно и отныне обязуюсь не иметь с вышеозначенным лицом ничего общего... Подпишись! Вот и ладненько.

Санко, озябнув от одного взгляда председателя, послушно вывел подпись, и опомниться не успел, как председатель ловко выхватил из-под его рук лист и помахал им в воздухе, подсушивая чернила.

- Отошлю в газету. Пусть пропечатают, чтоб все знали. А тебя... поздравляю. Свободен!

Санко не заметил, как очутился на улице. Горели щеки, уши. «Порываю, решительно и бесповоротно... Но я же как лучше! Я дальше учиться хочу, сам тятя велел», - оправдывался он...

Хороших друзей у Староверова никогда не было, ни в педучилище, куда вскоре его

приняли, ни после, когда стал учительствовать сам. Он опасался откровенничать, а без этого настоящей дружбе не бывать.

В свободное от уроков время он ударялся по лесам с ружьишкой или просто с корзиной по грибы. Стрелок неважнецкий, зато грибник удачливый, мотался он по чащобам, глуша в себе всякие мысли и желания, до совершенного изнеможения и отупения. Иной раз до дому не хватало сил добрести, приходилось коротать ночь возле костерка.

На лесных ночевках Староверов простыл, слег с воспалением легких, а потом еще хуже - заболел туберкулезом. Как раз в канун войны. Под вой баб, провожавших на фронт мобилизованных мужиков и парней, нет - нет да и ловил на себе злые и завистливые взгляды: дескать, вон какой бугай за бабьими юбками в тылу отсиживается! Пособил же леший ему чахотку заполучить! Глядишь, так и жизнь свою спасет.

Спас!

Правда, когда стоявшая в Городке воинская часть, которой командовал муж его сестры, двинулась на фронт, Староверов на прощальном ужине застенчиво намекнул зятю, что готов пойти ополченцем.

« Сидел бы дома, белобилетник! Надо будет, до тебя и так доберутся!» - усмехнулся зять, залуживая чарку.

Но потом сжалился над обидчиво надутым шурином, предложил к себе ординарцем. Староверов, недолюбливая военных, взглянув на подтянутого, мускулистого подполковника, промолчал...

Он корил себя после войны, особенно в тяжкие горькие часы своей жизни, что не ушел тогда с зятем, вскоре погибшим, хотя и сам в лихолетье едва не умер от болезни и голодухи. Тоска от одиночества с годами все чаще сдавливала его сердце. Припоминался зять, сгинувшие на фронте ровесники. «Я тоже должен был быть там, среди них...» - в отчаянии шептал Сан Саныч, проклиная своенравно распорядившуюся судьбу. И предательство родного отца не давало покоя. Хотелось как-то искупить все, ощутить в душе хоть капельку выстраданного и облегчающего прощения...

Староверов брел и брел наугад в скорых непроглядных сумерках. Ломая в лужах тонкий ледок, промочив ботинки, он не заметил, как миновал окраину Городка и очутился на полевой дороге, ведущей к лесу.

Где-то далеко впереди смутно угадывались очертания Лисьих горок.

На обрывистом краю крайнего холма вдруг вспыхнули яркие огни фонарей, высветивших ослепительно - белые стены храма с черными провалами окон. « Вот бы мама порадовалась!» - пожалел Староверов. Он хорошо помнил , как тихо и безутешно плакала мать, когда с церковью в городке сбрасывали колокола.. На центральной площади взрывом развалили летний собор; зимний, посрывав кресты, обустроили в вертеп, нацепив вывеску «клуб», красующуюся и поныне. Церковь же на Лисьих горках белела нетронутой невестой в свадебной фате. До нее тоже было дотянулись поганые загребушие руки. Однако, дальше сброшенных колоколов и разворванной утвари, дорогих окладов с икон лихоимство не двинулось. В подвалы опутанного по ограде колючей проволокой храма в начале войны завезли какие-то ценные архивы, так и пролежавшие до пятидесятых годов под неусыпным караулом стрелков с винтовками. Потом церковь вернули верующим, но мать Староверова не дожидая светлого дня...

Сан Санычу припомнились последние деньки жизни матери. Она уже не вставала,

жалостливыми ввалившимися глазами смотрела на сына: «Как ты, Санко, без меня- то жить будешь? Один, ровно перст... Коли тяжко когда - молись! Господь не оставит.» Староверову всю жизнь приходилось притворяться отъявленным атеистом, учительствуя, в сторону храма, пусть и порушенного, Сан Саныс не смел взглянуть даже и будучи один. Лекции насчет «опиума для народа», когда приказывали, исправно читал учащимся. Дома мать истово молилась за безбожника-сына, искренне веря, что мерзость на Бога он возводит по принуждению, а не по сердцу. А сын боялся, он хотел быть, как все, хотел выжить...

Сан Саныч тяжело вздохнул и неумело, неловко перекрестился: «Надо в храм сходить...» Он прикрыл глаза и ощутил вдруг себя пареньком среди готовящихся к исповеди. Рядом стояла мама, сжимая ему запястье теплой ласковой рукой. Отец был необычно серьезен, строго и заботливо оглядывал сына. Батюшка, улыбаясь в бороду, поманил мальчонку к аналою с возложенными на нем Евангелием и большим блестящим крестом. Мать легонько подтолкнула смутившегося сына. А на клиросе пели печально и красиво... Староверов , сглотив горький ком, застрявший в горле, хотел прошептать молитву, но память подвела, как нарочно, ни словечка на ум не пришло. И все-таки он почувствовал, глядя на белеющий впереди храм, тепло в себе - робкое и трепетное на студеном ветру, но живое.

Возвращаясь, к дому он подходил настороженный, но зря - выставшая горница была пуста, Манька исчезла. Да и он сам мало-помалу оправился от недавнего смятения и по привычке бормотал вслух, будто невидимому собеседнику: « Вероятно, она женщина легкого поведения. За хлеб и ночлег благодарить таким дурным образом! А...вдруг по-иному она просто не умеет, не может? И ей все одно - кто перед нею?! Бедная женщина!.. Может, чем-нибудь ей помочь?»

Но тут же мелькнула трусливо мыслишка: « А если она больше не придет?»..

Манька никуда не делась, подняла глухой ночью, заломилась в калитку да и еще в сопровождении двух зверски пьяных мужиков.

Староверов не решился высунуть нос, вслушиваясь в грозные выкрики, но когда в окно брякнули камушком, пришлось показаться.

- Дядя, водки дай! - загалдели наперебой мужики.

- Сан Саныч! Водки, водки! - прыгала впереди мужиков растрепанная Манька, рассыпая с зажатой в пальцах сигареты светлячки искр.

- У меня в доме спиртных напитков не имеется! - осветив компанию фонариком и лязгая зубами от холода и неприятного ощущения внизу живота как можно тверже выговорил Сан Саныч.

На удивление подействовало сразу, канючить перестали.

- Обманула, падла! - мужик постарше вlepил в сердцах Маньке оплеуху и, пошатываясь, побрел прочь.

- Маня, Манечка! Дорогуша, тебе больно? - другой мужичок, облапив Маньку, поволок ее к кусту под забором.

Манька визжала, вырывалась, материлась и, поваленная наземь, завопила истошно:

- Помогите!

Сан Саныч , словно зверь в клетке, заметался взад-вперед по сеннику. «Не выйду! Ей, бабе, что? Где легла, говорят, там и родина! Но, Господи, что она так кричит-то?!»

Староверов распахнул дверь и выскочил на крыльцо. Бежать ли к копошившимся под кустом телам или же во все горло звать на помощь, он сообразить не успел.

Насильник взорал благим матом и скорченной тенью тотчас убрался восвояси.

- Маня, ты жива? - держась за засов калитки, осторожно осведомился Сан Саныч.

- Жива, жива! - Манька загнула таким матюком, что у Староверова уши огнем обожгло, и, отряхиваясь, подошла к калитке. - Открывай! Соврал, поди, что нет у тебя выпивона?

Сан Саныч открывать не торопился.

- Кто эти мужчины, что были с тобой?

- А хрен их знает! Пристали: найди выпить!. Отворяй, чего чешешься, замерзла я вся! Из комнатухи меня намедни выселили, ночевать негде!

- Прощай! У меня здесь не богадельня и не постоялый двор! Я прошу тебя, Маня, больше не приходи!

Он содрогнулся от потока мерзкой брани, ударившего в спину. Манька бесновалась не на шутку, швыряла комками земли по крыльцу, по окнам, билась плечом о калитку, пинала ее, не щадя ног. Выдохнувшись, принялась стучать мерно и настойчиво.

- Вот что, Маня! - не удержался, выглянул Сан Саныч. - Прекращай! Я тебе русским языком сказал.

- Сан Саныч, сигареточки у тебя не будет? - теперь просительно-жалобно заныла она.

Сигаретки Маньке хватило ненадолго. Она попросила еще чаю, и Староверов, опорожнив в банку заварочный чайник, вынес ее и опять-таки через забор вручил Маньке.

- Пей, угощайся, Мария, и с последним глотком - все!

Сан Саныч слушал смакующие причмокивания Маньки и понимал, что он уже просто издевается над человеком. Стало гадко, противно и со стороны он себя как бы увидел: скрюченным у забора, прижавшим ухо к щели, для пущего слуха раскрывшим рот.

Манька учуяла слабинку и, саданув банку о камень, взвыла:

- Сволочи все кругом! Подыхай посреди улицы и никому дела нет!.. Прижилась было у одного раздолбая, а он свихнулся с перепою, морду мне набил и среди ночи из фатеры выставил. Забралась ночевать в какой-то курятник пустой, так хозяин утром чуть на вилы не насадил. А вчерась с мужиками день пили на чьей-то хате, а потом старбень-хозяйка пришла и всех - долой! Допивали в сквере, мужики меня бросили, на лавке напротив памятника Ленину дрыхнуть оставили. Тут ночь и стала коротать, хмель-то быстро вышел. Ну, думаю, от холода сдохну. С лавки подняться не могу, примерзла. Молиться уж начала - пусть менты придут и заберут меня в свою кутузку! Все ж ночь в худом да тепле! Не пришли!.. Сан Саныч, ежели есть Бог, пусть погреться, не дай замерзнуть!

Манька повалилась на колени и, всхлипывая, прижалась лицом к покрывшейся колкими иголочками инея и оттого звенящей жестью траве под забором.

Сан Саныч открыл калитку, помог подняться Маньке, морщась от перегара.

- Только на одну минуту! - назидательным деревянным голосом произнес он, хотя знал, что Маньку уже никуда не выгонит.

Пусть осуждают его доброхоты, злословят, двусмысленно похихикивая, или с недоумением пожимают плечами, крутят пальцем у виска. А Манька отопьется крепким пуншем, уснет мертвецки, Днем она уйдет куда-нибудь и жди опять - в каком состоянии

и с кем припрется, если добредет вообще...

«О, Господи, за что такая мука-то?!»

Манька, прямо с порога, как кошка с мороза, проворно юркнула на горячую печную лежанку, затаилась и вскоре захрапела.

Староверов остался наедине со своими мыслями.

« Это все мне кара, от Бога кара! - твердил он, вздыхая. - За то, что от родного отца отрекся, на войну струсил идти. Вот всю жизнь протрясся, как овечий хвост, пекся лишь о куске хлеба да бился за копейку.»

Сан Саныч прислушался к Манькиному храпу с печки.

« Несчастные люди! И я чем лучше их? Но, может... согревая их, делаясь с ними пищей и кровом, я искуплю прошлые грехи перед Богом, совестью?»

Староверов прошел из кухни в горницу, нашел глазами бумажную иконку Спасителя, оставленную сестрой и сиротливо притулившуюся в углу, в полумраке попытался взглянуть в лик.

« И нынешняя моя жизнь не продолжение Божией кары, а искупительный крест. Надо нести его и не роптать... Почему прошлое мне кажется таким безрадостным, ненастным, серым, бесконечно долгим осенним днем? Потому что жил без веры!..»

Охваченный радостным трепетом, Сан Саныч сотворил крестное знамение...

Г.Вологда

Николай Толстиков

March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/5076>

© Copyright 2026, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com